

А. В. САХАРОВА

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАЦИЙ
НА ПРИЧАСТНЫЕ И ФИНИТНЫЕ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ**

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется серьезное внимание в исторической русистике.

Как известно, восточнославянские краткие (нечленные) причастия пошли по пути изменения своих синтаксических функций от подчиненности имени к подчиненности финитному глаголу, потеряв при этом склонение, а позднее и согласование по роду. Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически некорректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин *краткое причастие* (видимо, потому, что в некоторых текстах форма согласование сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

Но прежде чем перейти к дальнейшему описанию функционирования русского краткого причастия действительного залога, необходимо дать некоторые общие сведения о синтаксических и дискурсивно-прагматических особенностях функционирования деепричастий (и причастий в адвербиальном употреблении).

**1. Синтаксис и дискурсивные функции деепричастий
(и причастий в адвербиальном употреблении)**

Обычно когда говорят о деепричастии, его определяют как глагольную форму, чья главная функция — маркирование обстоятельственно подчиненной синтаксической группы, т. е. такой, которая не обозначает актанта глагола и не является определением [Haspelmath 1995: 3; Nedjalkov 1995: 97]. Единицы, возглавляемые причастиями и деепричастиями, считают синтаксически подчиненными именно на том основании, что там употреблена не-

финитная репрезентация глагола. (Напомним, что для языков европейского стандарта нефинитными называются глагольные формы, не имеющие показателей личного согласования, времени, наклонения.)

Считается, что поверхностно-синтаксическое подчинение имеет прагматический, когнитивный смысл. Дискурс имеет ядерную структуру, где одна информация в большей степени соответствует глобальной риторической цели говорящего / пишущего (пересказать, описать, объяснить нечто и т. п.), а другая — в меньшей, и этой менее важной, второстепенной информации и соответствуют приблизительно подчиненные предикативные единицы [Lakoff 1984; Matthiesen, Thompson 1988; см. также Tomlin et al. 1997: 91—92].

Для этого противопоставления основной и второстепенной информации используют обычно термины *foreground* и *background*, которые принято переводить как *передний план* и *задний план*, или *фон*, соответственно.

Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях положений дел, причем в той последовательности, в которой они реально происходили. Поэтому основным, передним планом в нарративе называют собственно линию повествования, т. е. предикации, описывающие происходившие одно за другим события, где характер следующего события в той или иной степени определен обстоятельствами предыдущего [Horpper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по: Wårvik 2002: 29)]. Таким образом, не принадлежащими нарративной последовательности (не двигающими изложение вперед) считают предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной последовательности и вообще хронологически на них накладывающиеся, а также предикации, представляющие собой прагматические презумпции — отсылки к уже сообщенной информации.

Обстоятельственные предикации (в том числе и причастные, и деепричастные), если они обозначают перфективные ситуации и не представляют собой пресуппозиционных отсылок назад, таким образом, следует относить к линии нарративной последовательности [Dry 1981 и 1983; цит. по: Wårvik 1994: 29]: несмотря на то что они подчиненные, они двигают изложение вперед¹.

Но важно отметить, что существует еще один критерий деления информации в нарративе на уровни, когда принадлежность предикации к переднему плану понимают как ее важность, или выделенность (*importance*,

¹ Считают, что у предикаций нарративной последовательности должна быть еще одна характеристика: события должны быть отражены иконически, без инверсий. Но инверсия, нарушение иконического порядка, сама есть формально-синтаксическое средство выражения, а не дискурсивная характеристика контекста. Одним из распространенных средств маркирования инверсии является и превращение передвигаемой предикации в подчиненную (в том числе и деепричастную). Но даже если мы сочтем, что употребление деепричастия при инверсии диктуется синтаксическим правилом, возникнет вопрос о том, каким дискурсивным фактором вызвана сама инверсия.

saliency). При этом выделенность может осознаваться как прагматическая характеристика предикации — ее неожиданность, нестереотипность по сравнению с другими; одним из средств языкового кодирования такой прагматической выделенности может быть длина или степень сложности предикативной единицы [Polanyi, Hopper 1981]. При таком прагматическом подходе к переднему плану повествования также безусловно относят и предикативные единицы, сообщающие центральную, ключевую с точки зрения жанра и сюжета информацию [Polanyi, Hopper 1981; Chafe 1987].

Финитные предикации в таком случае считают более прагматически выделенными по сравнению с нефинитными². Так, в греческом языке Евангелия употребление обстоятельственных причастных оборотов называют средством выделения следующей после такого оборота финитной предикации, обозначающей некое ключевое для небольшого фрагмента событие [Longacre 1983: 30—34].

Логично предположить, что и распределение славянских причастий могло подчиняться закономерностям в том числе и такого плана, но прежде чем рассуждать о дискурсивных функциях древнерусского причастия, напомним и о том, каковы были синтаксические особенности его функционирования.

2. Древнерусское краткое причастие

Древнерусские краткие причастия действительного залога (далее речь пойдет только о них) издавна привлекали внимание исследователей благодаря в первую очередь своему особому синтаксису. Как известно, претеритное *и*-причастие традиционно употреблялось для обозначения действия, предшествующего обозначенному финитным глаголом, от которого оно зависело, а презентное *и*-причастие — одновременного действия [Růžička 1963: 82—83; Борковский, Кузнецов 1965: 318—319; Лопатина 1978:

² Глагольные репрезентации, где не выражены некоторые грамматические категории, обязательно выражаемые в независимых предикациях, также называют иногда редуцированными [Haiman, Thompson 1984; Haiman 1985: 196 ff.]. Однако в первую очередь этот термин следует отнести к таким деепричастиям агглютинативных языков (некоторых северокавказских, тюркских и др., см. выборку [Калинина 2001: 79—91]), которые имеют нулевой аффикс и поэтому могут трактоваться как чистые основы презенса или претерита (к которым не присоединены показатели лица или какой-то иной обязательно выражаемой в финитном глаголе категории). Употребление деепричастий как редуцированных глагольных форм объясняют просто действием механизма экономии языковых средств: в языке есть общая тенденция не повторять информацию, которая предсказуема или известна, поэтому и появление редуцированных предикаций есть результат своеобразного эллипсиса: в случае объединения серии глаголов по каким-то признакам, которые в данном случае оказываются важными, у всех глаголов, кроме одного, эти признаки оказываются не отмечены [Haiman, Thompson 1984].

108—109; Кузьмина, Немченко 1982: 292]. В «гибридных», т. е. соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, древнерусских текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же подлежащим, от которого их можно было бы считать зависимыми³. Специфический летописный синтаксис причастий объясняют и тем, что списчик мог недостаточно владеть грамматикой церковнославянского причастия, и тем, что подобный синтаксис причастия мог стать осознанно воспринимаемой нормой, свойственной определенному кругу письменных жанров [Алексеев 1987б: 44]⁴.

Однако факторы, могущие обуславливать само распределение предикаций на оформляемые финитными глаголами и причастными оборотами, почти не исследовались. Летописные причастные обороты в именительном падеже, осознаваемые как особое синтаксическое явление, именно поэтому получили, как известно, специальное название «второстепенные сказуемые» [Потебня 1958: 185—187]. Термин этот стал для большинства отечественных исследователей метафорическим обозначением того, что подоб-

³ Обороты с краткими причастиями в именительном падеже имели ряд и других синтаксических особенностей употребления, в целом не характерных для старославянских текстов, которые сближали их с финитными глаголами [Потебня 1958: 185—186; Истрина 1923: 73; Лопатина 1978: 115; Алексеев 1987а]. Так, следует отметить «глагольный» порядок слов, когда подлежащее главной предикации находится внутри составляющей с причастием во главе (типа *на ель ворона взгромождаясь*), и наличие сочинительного союза между причастным оборотом и финитным глаголом (*вставъ и рече; иде, а оставивъ*). Точно так же в восточнославянских текстах не действовали синтаксические ограничения на употребление дательного самостоятельного [Белоруссов 1899; Сабенина 1978; Борковский, Кузнецов 1965].

⁴ Напомним также о том, что представляла собой литературная норма для языка средневековой Руси и какие механизмы действовали при порождении книжных текстов [Живов 1995; 1998]. Обучение книжному языку (разумеется, достаточно отличному от разговорного на всех уровнях) могло включать в себя изучение орфографии, но на синтаксическом уровне никакие правила не формулировались. Навыки владения книжным языком формировались опытом чтения. Поэтому, создавая тексты, от которых требовалось хотя бы формальное сходство с образцовыми, авторы нередко переосмыслили специфически книжные элементы и конструкции, не имеющие соответствий в их разговорном языке, в тех категориях, которые были им доступны. А одно такое переосмысление могло уже стать для последующих читателей подобием прецедента, легализующего это отклонение. Закономерности употребления причастий некоторых глаголов, разобранных в работе [Сахарова 2007], заставляют предположить, что действием подобного механизма переинтерпретаций (когда причастие определенного глагола может быть осознано как категория, привязанная к определенным содержательным контекстам, но не ограниченная синтаксически) и объясняется появление и «прогрессирование» синтаксических черт финитного глагола у краткого причастия.

ного рода предикации хотя и похожи на глагол («сказуемые»), но имеют меньшую важность с точки зрения организации дискурса (второстепенны) [Истрина 1923; Борковский, Кузнецов 1965; Стеценко 1972; Лопатина 1978; Кузьмина, Немченко 1982]. Второстепенность называли и свойством современных русских деепричастных оборотов [Шахматов 1929/2001]⁵.

Дискурсивной функцией дательного самостоятельного в работах последних лет точно так же называют дискурсивную второстепенность (*backgrounding*) и отмечают, что в поздних восточнославянских текстах он теряет это значение и превращается просто в стилистическое средство [Worth 1994: 33; Corin 1995: 259—260].

При исследовании распределения предикаций на причастные и финитные для отдельных глаголов подтверждается, что его критерии по большей части (но не во всем) совпадают с критериями выделения фона повествования; так, для стативных глаголов в контекстах, фоновых по аспектуальному критерию (если нет иных особых факторов: противопоставлений, разъяснений), используются именно обороты с *и*-причастием, а не имперфект [Сахарова 2007].

Сложнее с *и*-причастиями — им даже гипотетически нельзя приписать одну конкретную дискурсивную функцию. Отмечалось, что в старославянском Евангелии краткое причастие может «строить мост к предшествующему повествованию» [Růžička 1963: 19], т. е. использоваться в презумпционных контекстах (что логично, так как в этой же функции могли появляться и причастия греческого Евангелия [Longacre 1983: 34])⁶.

Функция маркирования прагматически невыделенных, ожидаемых сочетаний также, видимо, должна была быть свойственна краткому причастию. По крайней мере известно, что *и*-причастия некоторых глаголов (если речь идет не о презумпционном контексте) могут появляться в нарративе, в основном тогда, когда следующая ситуация принадлежит некоему конкретному типу — своему для глаголов каждого лексического класса [Сахарова 2005; 2007].

⁵ Часто, говоря о значении восточнославянских причастных оборотов, исследователи перечисляли те смысловые связи, в которых могут находиться причастная и главная предикации (или вообще причастная и ближайшая финитная): обычный причастный оборот может быть для главной предикации обстоятельством времени, причины, образа действия, условия (см., например, [Руднев 1959: 93—100; Večerka 1961: 116—118; Лопатина 1978: 107]), равно как и уточнением или разъяснением уже сообщенной информации; дательный самостоятельный является чаще всего обстоятельством времени или причины [Белоруссов 1899: 78—82; Борковский, Кузнецов 1965: 483; Сабенина 1978: 420; Worth 1994: 39]. Однако очевидно, что наличие этих связей не обязательно, они имеют место просто в силу лексической сочетаемости конкретных слов, а не являются «значениями» причастного оборота как синтаксической трансформации.

⁶ *И*-причастиям же стативных глаголов такая функция, видимо, не свойственна [Сахарова 2007].

На закономерности употребления *и*-причастия такого рода мы хотим обратить внимание и в данной статье. При этом для подтверждения или опровержения тех или иных гипотез в таких случаях недостаточно просто иллюстративного материала — следует сравнить, как употребляются причастные и финитные формы в контекстах, характеризующихся различными значениями дискурсивных параметров (т. е. в первую очередь прагматической выделенности предикации по отношению к соседним), а также в контекстах, различных с формально синтаксической точки зрения.

Характеризуя тот или иной контекст, в котором мы изучаем допустимые способы оформления, следует также отмечать и синтаксические свойства предикативной единицы по ряду причин. Если бы в летописном языке существовали жесткие синтаксические ограничения на употребление кратких причастий (как в современном литературном русском — на употребление деепричастий), то, однажды оговорив эти ограничения, можно было бы сосредоточиться на изучении способов оформления предикаций только в тех контекстах, где синтаксические правила допускают оба способа оформления (т. е., например, для современного литературного русского — на контекстах типа *встав, сказал / встал и сказал*).

Такого рода строгих ограничений в летописном языке, как уже говорилось, не было, однако и свободно варьирующихся (с точки зрения синтаксиса) с финитными формами причастия летописных текстов более ранней эпохи все же назвать нельзя: такие переинтерпретации традиционных церковнославянских синтаксических правил, как, например, именительный самостоятельный, в них все же нечасты. Точнее было бы сказать, что вместо стопроцентных синтаксических ограничений мы в данном случае имеем дело просто с некими тенденциями — факторами синтаксического плана (способствующими тому, чтобы предикация была оформлена определенным образом), с которыми факторы дискурсивного плана могли вступать в более или менее успешную конкуренцию. (При этом могло происходить и так, что тенденции употреблять причастия определенных глаголов в определенном прагматическом или даже узком лексическом контексте «перекрывали» действие синтаксических правил их функционирования [Сахарова 2007].)

Данная работа представляет собой еще один из примеров исследования закономерностей употребления причастий определенных глаголов в летописном языке. В ней проведен анализ всех употреблений причастных и финитных форм группы однокоренных и семантически близких глаголов совершенного вида *яти, изяти, възяти, пояти* и *приняти* в одном конкретном тексте — Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода⁷ по изданию [НПЛ 1950].

⁷ Он имеет средние размеры, 264 листа в оригинале (т. е. он не настолько велик, чтобы с ним было очень трудоемко работать, и не настолько мал, чтобы употребление наиболее частотных глаголов было недостаточно, чтобы делать выводы); начальная его часть принадлежит древнейшему периоду истории письменного языка, когда

3. Распределение предикаций на причастные и финитные для исследованных глаголов

Обратим внимание на то, что все изучаемые глаголы — совершенного вида и обозначают моменты состояний определенного типа. Это значит, что они не образуют *щ*-причастий, а только *ш*-причастия (и вообще предикации с ними не могут быть фоновыми по аспектуальному критерию). Забегая вперед, заметим также, что для всех этих глаголов в исследуемом тексте несвойственно образование дательного самостоятельного, но только причастных оборотов в именительном падеже.

Яти

В НПЛ данный глагол не очень употребителен и значение его узко: прямым объектом обозначаемого им действия («схватить», «задержать») почти всегда является одушевленное лицо (в других текстах возможен, впрочем, более широкий круг значений [Срезневский, III: 1670]).

Когда предикация с данным глаголом является последней из относящихся к одному подлежащему, употребляются только финитные формы (т. е. именительных самостоятельных с данным глаголом в исследуемом тексте нет), поэтому остановимся подробно только на синтаксически традиционных для *ш*-причастия контекстах.

В этих контекстах ограничения на употребление причастия глагола *яти* оказываются достаточно просты. Когда глагол имеет то же прямое дополнение, что и глагол, обозначающий следующую ситуацию (при этом можно сказать, что данная и следующая ситуации сочетаются ожидаемым образом: взяв человека, логично его же подвергнуть еще какому-то воздействию), он может оформляться как *ш*-причастием, так и финитно. Причастных примеров всего четыре:

*И приплыша ко Цесарюграду, и многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъже **имше плѣнники**, овѣх растинаху, иныя же къ землѣ поскыху* [6480];

*Учащу же ему въ церкви, архиерѣи и книжници исполнишася зависти, и искаху убити и, **имше**, ведоша и къ изѣмону Пилату [речь Философа];*

*И пакы вси хотяху Радиноса; он же не хотяше царства, и скрыся от них, измѣнивъся въ черныя ризы; а жену его, **емше**, приведоша въ святую Софью и много нудиша ю: «повѣжь намъ: гдѣ есть муж твои»* [6712];

*⟨...⟩ глаголаху предстоящи: «Михаиле, се убищи от цесаря идут убивать вас; поклонитася и жива будета» ⟨...⟩ Тогда же убищи, приѣхавше, скочивши с конь, и яша Михаила и растягоша и, **имше за руцѣ**, и начаша и бити руками по сердцу, и повергоша и ниць* [6753].

параметры литературного языка, в том числе изучаемый, только формировались. Разумеется, в текстологическом отношении он достаточно неоднороден, но на данном этапе исследований принимать во внимание эту неоднородность не имеет смысла.

В остальных примерах (а именно в 12) в подобном контексте употребляются финитные формы исследуемого глагола:

*Янь же, вшед въ град къ бѣлозерчемъ, и рече имъ: «аще не имете волхву сею, не иду от васъ за лѣто». Бѣлозерци же, шедши, **яша их** и приведоша к нему [6576];*

*⟨...⟩ солгаша бо, яко Святополкъ у города со плесковици; и выступиша весь град къ Синилицю, и не бысть ничтоже, а Святославлюю прияха в Новѣгородъ с лучшими мужи, а **самого Святослава яша на пути** смолнянъ и стрѣжаху его на Смядынѣ [6646];*

*⟨...⟩ оттолѣ въспятися назадъ князь Святославъ в Русь, и уразумѣвъ, яко сии солгаша имъ; они же вгониша въ Плесковъ и **яша Вячеслава Горисланица**, и бивъши его, оковаша [6740];*

*Чюдѣ даша плещи; и гонящися билъ на 7 верѣсть по леду до Соболичькаго берега; и паде Чюди беицисла, а Немѣць 500, а **иных 50 руками яша** и приведоша в Новѣгород [6751];*

*Тогда же убици, приѣхавше, скочивши с конь, и **яша Михаила и растягоша** и, имше за руцѣ, и начаша и бити руками по сердцу [6753] и т. д.*

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию (притом какую угодно), не имеет того же прямого дополнения, глагол *яти* оформляется только финитно. Всего таких примеров пять:

*⟨...⟩ събрашася чернь, и вѣлѣчаху добрые мужи, думаяще с ними, кого цесаремъ поставят ⟨...⟩ **Потом же яша челоувѣка, именемъ Николу, воина нарочита**, и на того възложиша вѣнецъ безъ патриарха [6712];*

*Тогда же бояре, убоявшеся введения Фрягъ, сдумавше с Муръчюфломъ, **яша цесаря Исаковица** и на Муръчюфла вѣнецъ возложиша [6712];*

*⟨...⟩ заутра убиша Смена Борисовица въ 9, на зачатие святыя Анны, а домъ его розграбиша всѣ и села его, а **жену его яша**, а самого погребоша в манастири святого Георгия [6738];*

*Новгородци же изидоша вси полкомъ противу, на озеро Ильмерь; князь же Копорьи отступися, а новгородци князю путь показаша, **а не яша его**, а двѣ дщери его и бояры его с женами и с дѣтми приведоша в Новѣгород в таль [6790];*

*⟨...⟩ на Душилца, на Липиньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ускочи къ Ярославу; а **жену его яша**, ркуще тако: яко «ти князя на зло подводятъ» [6735].*

Имеется всего один пример⁸ на такой контекст, где прямым объектом глагола *яти* является предмет, а не человек, предикация с глаголом *яти* оформлена *ш*-причастием:

⁸ Еще одним исключением является употребление глагола во фразеологическом сочетании *яти веру*, где он оформляется финитно: *Глаголашеть бо, яко провѣдѣ вся, и хуляшеть вѣру крестияньску, и тако глаголаше, яко «преиду по Волхову пред*

*Посем же, вземше Глѣба в раѣѣ каменѣ, вѣставиша на сани; **имше за ужа**, везоша и [6580].*

При этом глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет другое прямое дополнение (*сани*), но все же совпадение дополнений в данном примере представить можно, поэтому его нельзя назвать исключением из правила.

Статистика распределения форм на причастные и финитные для данного глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 1.

Таблица 1

Предикация	<i>и</i> -причастие в им. п.	Финитно
Следующий глагол имеет то же прямое дополнение	4 (25%)	12 (75%)
Следующий глагол не имеет того же прямого дополнения	—	5

Изымати

Данный глагол имеет значение «схватить, задержать» [СлДРЯ XI—XIV вв., IV: 8], прямым объектом обозначаемого действия (так же, как и у *яти*) в НПЛ оказывается только одушевленное лицо⁹.

Так же, как и в случае *яти*, именительных самостоятельных с данным глаголом в исследуемом тексте нет, поэтому остановимся подробно только на тех синтаксических контекстах, где возможно появление *и*-причастия, т. е. где предикация с данным глаголом является не последней из относящихся к одному подлежащему.

Ограничения на употребление причастий данного глагола похожи на ограничения для *яти*: в таком контексте, где глагол имеет то же прямое дополнение, что и глагол, обозначающий следующую ситуацию (при этом можно сказать, что ситуации сочетаются ожидаемым образом), он может оформляться как *и*-причастием, так и финитно. Причастных примеров всего четыре:

*Устрѣлиша Яропола в городѣ и бѣ имѣ вѣлика бѣда и предашася новоторжъци, а Ярополка (Всеволодъ) **изымавъ** окова и веде съ собою [6689];*

*{...} «не ими, княже, вѣры братьи наю, свѣцялися суть с черниговъскими князи», и тѣмъ е облици рязаньстии князи. И Всеволод **изымавъ мужи их**, и исковавъ, посла е в Володимирь, а самъ поиде с новгородци [6717];*

*всѣми людьми». И бысть мятежъ въ градѣ великъ, и вси **яша ему вѣру**, и хотяху побити епископа Федора [6576].*

⁹ В отличие от *яти*, он употребляется не во всей летописи (первое появление в статье 6643 года).

Тимофьевича и Григорью Щебелкова и иных нѣколко ту мужь паде и инѣи побѣгоша **а иныхъ изимаѣ** на Тѣрь поведе полонѣ мужей и женѣ беицисла множество [6880];

⟨...⟩ по грѣхомъ нашимъ побѣженъ бысть князь великий; **изымавшие его** Тотарове, и ведоша его во Орду, а с нимъ князя Михаила Ондръевича и иныхъ множество бояръ [6953].

Примеров финитного оформления всего семь:

В Новѣградѣ же бысть мятежъ великъ: не бѣше бо князя Ярослава, нѣ в Переяславѣ бысть тогда; и прииха князь ис Переяславля, и **изима плесковицѣ** и посади их на Городици въ грядьници; и посла въ Плесковѣ, рекши имъ [6740];

И князь Александръ зая вси пути до Плескова; и изгони князь Псковѣ, и **изима Нѣмци и Чюдѣ**, и, сковавѣ, поточи в Новѣгород [6750];

Того же лѣта, еще не дошедшу князю Михаилу до города, **изимаша Изната Бѣска**, и биша и на вѣцѣ, и свергоша его с мосту въ Волхово, творяща его перевѣт держаща к Михаилу [6824];

⟨...⟩ послаша Матѣя Валфромѣевича, и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфромѣя посадника сына Остафьева, и Федора Авраамова с полкы; и ѣхавши, изгониша Торжокѣ безъ вѣсти, и **изимаша намѣстниковѣ** Михаила князя Давыдовица, Ивана Рыбкина сына, и борцовѣ, Бориса Сменова сына, и жены их и дѣти, и сковаша я [6848];

Того же лѣта пришедше Нѣмци в Корѣльскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрѣскыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша; и князь Костянтинъ с Корѣлою гнася по них, и **языкъ изима** и присла в Новѣгород [6904];

⟨...⟩ воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородчкому слову, челобитье прияха двинянь, а нелюбѣя имъ отдаша, а **воевод заволочкыи Ивана и Конана с другы изимаша**, овыхъ смертию казниша, а Ивана и брата его Афанаса, Герасима, Родивона исковаша, кто водилъ Двиньскую землю на зло [6906];

Воеваше князь Рославъ Олгович Рязаньскыи землю Литовьскую; и князь Семеонъ Олгердович, наихавѣ на него, **самого князя Рослава изима** и приведе князю Витовту, а вои его изби [6910].

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую за данной ситуацией (притом какую угодно), не имеет того же прямого дополнения, глагол *изымати* оформляется только финитно:

Ту же убиша Гаврилу Горислалicia воеводу, и плесковицѣ в сугонѣ много побиша, **а иныхъ руками изимаша**; и пригонивши под город, и зажгоша посадъ весь [6748];

И поиде князь съ своими полкы и с новгородци И пришед на землю Ѣмьскую, овыхъ избиша, **а другихъ изима силою честнаго креста и святыя Софѣя**; приидоша новгородци съ княземъ Александромъ вси здрави [6764];

⟨...⟩ побѣгоша Нѣмци в город, и убиша ту нѣсколко Нѣмецъ, и волость около города воеваша и пожгоша, а Нѣмецъ иссѣкоша много, и **жонъ и дѣтии, а иных живых изимаша**; и приихаша в Новѣград вси здрави [6859];

А в то время наславъ князь великий Василии Дмитриевич бояръ своих Александра Поля, Ивана Марина на Торжокъ воиною въ 300 человекъ; **изимаша Семеона Васильевича и Михаилу Фефилатова на крестномъ ѡбловании**, и животы их изъ святого Спаса поимаша [6909];

⟨...⟩ выбиша е ис товаръ; и побѣгоша Нѣмцѣ къ городу, и убиша новгородци два воеводѣ, а **третии руками изимаша**, а коневъ отъяша 700, и приидоша вси здрави [6725];

Выидоша галичане противу, и Чехове и Ляхове и Морава и Угре, и съступишася полкове; и пособи Богъ Мьстиславу, и в город Галиць воиде, а **королевица руками изима и жену его**, и взя миръ с королемъ [6727].

Статистика для глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 2.

Таблица 2

Предикация	ш-прич. в им. п.	Финитно
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение	4 (36%)	7 (64%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения	—	6

Взяти

Данный глагол в НПЛ употребляется весьма широко как в прямом значении «взять в руки», так и в значениях типа «начать владеть, распоряжаться и т. п.» [Срезневский, I: 373 и далее; СлРЯ XI—XVII вв.: II, 166]. (При этом прямым объектом обозначаемого им действия почти никогда не бывает человек — по этому признаку данный глагол оказывается дополнительно распределенным с близким к нему по значению *яти*¹⁰.)

¹⁰ Исключений всего четыре: *В се же время изиде дщи фараоня Фермуфии купятся, и видѣ отрочя плачущесе, и взя и пощадѣ* [речь Философа]; *повелѣ цесарь ражающияся дѣти жидовскыя вмѣтатѣ в рѣку. Мати же Моисиева, убожавшися погубления, **вземши младенецъ**, вложи въ крабицю, и изънесшии, постави в лузѣ* [речь Философа]; *Князь же Иванъ прииха в Новѣгород, и не поиха к новгородцомъ в Ладогу. А в то время Магнушь король взя Орѣховець на Спасовъ день; Авраама же и Кузму и **иных бояръ 8 взять** к собѣ, а иных всѣх пустить из городка, а самъ поиде от городка прочь* [6856]; *потом стаиша на них велневици съ юрьевци и избиша Чюди 14000, а избытокъ убѣжа в Островскую землю; тамо по них ходиша велневици въ Островскую землю, **их же не взяиша**, но сами биты отъидоша* [6852].

Для этого глагола так же, как и для других рассматриваемых глаголов, именительных самостоятельных в исследуемом тексте нет, поэтому остановимся подробно только на тех синтаксических контекстах, где предикация с данным глаголом является не последней из относящихся к одному подлежащему, — появление причастий возможно только в них.

Для исследования разделим употребления глагола на группы не просто в зависимости от того, какое значение имеет глагол, но и от того, каково его прямое дополнение. Именно от того, с каким дополнением употребляется глагол, зависит то, какие сочетания ситуаций являются ожидаемыми, стереотипными (иными словами, когда предикация может быть прагматически невыделенной по отношению к следующей).

Разберем вначале те случаи, когда прямым объектом действия, обозначаемого глаголом, является некий предмет, который можно взять в руки, — при этом ограничения на употребление *и*-причастия оказываются теми же, что и для однокоренных глаголов *яти* и *изымати*. В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение (а это в данном случае значит, что ситуации сочетаются ожидаемым образом), употребляются *и*-причастия данного глагола (всего семь примеров):

*И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдѣ, и **вземши**, снѣсть, и дать мужевѣ своему, и оба ядоста* [речь Философа];

*⟨...⟩ повелѣ цесарь ражающияся дѣти жидовьскыя вѣмѣтѣ в рѣку. Мати же Моисиева, убоявшися погубления, **вземши младенца**, вложи въ кробию, и изънесъши, постави в лузѣ* [речь Философа];

*Пренесоша святая страстотерпца Бориса и Глѣба.... **Вземши бо первое Бориса въ** древянь раѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволод, **вземши на рама своя и** понесоша, предидущими чернци* [6580];

*Посем же, **вземше** Глѣба в раѣ **камени**, въставиша на сани; имше за ужа, везоша и* [6580];

*⟨...⟩ повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, **вземши носило и изнесъши**, поставиша прямо церкви* [6582];

*И посемъ **вземше** братья, **и** несоша его в келию* [6582].

В одном случае в таком контексте появляется и аорист:

*В се же время изиде дщи фараоня Фермуфии купятя, и видѣ отроча плачущесе, и **взя** и пощадѣ* [речь Философа].

В тех случаях, когда следующий глагол не имеет того же прямого дополнения, что и данный, но при этом данное прямое дополнение — оружие

Но в первых двух из этих примеров младенец рассматривается не как человек, так как он не способен в данной ситуации как-либо отреагировать. В третьем примере глагол употребляется в особом сочетании «взять с собой (в дорогу)». Настоящее исключение представляет собой только последний пример.

или крест, предикация с глаголом *възяти* тоже оформляется *ш*-причастием. Примеров на подобного рода контекст тоже немного (всего пять):

*⟨...⟩ и хотяху побити епископа Федора. И епископъ же Федоръ, **вземши честный крестъ и** оболчеся в ризы, и ста пред народомъ [6579];*

*И пришед святитель ста посредѣ мосту и, **вземъ животворящий крестъ**, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честный крестъ, плакахуся [6926];*

*«...Не дам сына своего бѣсомъ». Они же, шедше, повѣдаша людемъ; абие же онѣ народѣ, **вземше оружье**, поидоша на нь и обоидоша дворъ около его [6491];*

*И бысть, яко изидоста, и абие вѣставши Каинъ хотяше убити и не умѣаше, како убити. И рче сатана: «**вземъши камень**, удари Авеля, и уби его» [речь Философа];*

*Глѣбъ же, **вземъ топоръ под скуд**, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хочетъ быти, что ли вечеръ»... Глѣбъ же, выимя топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людѣ разидошася [6579].*

Действием фактора прагматической невыделенности (ожидаемости) такое употребление не объясняется.

В том случае, когда прямое дополнение — предмет, который можно взять в руки и притом часть тела, и оно не является прямым дополнением глагола, обозначающего следующую ситуацию, предикация оформляется финитно. Таких примеров всего два:

*Поиде Святославъ в пороги, и нападе Куря, князь Печенѣжскыи и убиша Святослава, и **взяша главу его**, и во лѣбъ его сдѣлаша чашию и пиаху изъ неи [6480];*

*И възложи Богъ сонъ на Адама, и успе Адамъ; и **взя Богъ едино ребро у Адама**, и сътвори ему помощницу жену и приведе ю къ Адаму [речь Философа].*

Далее разберем случаи, где прямым объектом являются деньги или какие-то иные ценности, являющиеся военной добычей.

Примеров на такие контексты, где бы при этом следующий глагол имел то же дополнение, что и данный, нет. В тех же случаях, когда следующая ситуация есть ситуация движения со взятым (чаще — удаления захватчика с добычей, так что можно сказать, что эти ситуации сочетаются ожидаемым образом), возможно употребление *ш*-причастий. Причастных примеров всего четыре:

*Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его». Он же, **вземъ дары**, иде къ Святославу [6479];*

*«...идеть вы Святославъ в Русь, **вземъ имѣние много у Грѣкъ** и полонъ беицсленны, с маломъ дружины». Слышавши же Печенѣзѣ и заступиша Печенѣзи пороки [6479];*

*Идоша (новгородци) ис Кыева къ Чернигову, и стоявшие 12 дни, и взяша миръ, и **възѣмше дары**, приидоша в Новѣгород въси здрави [6722];*

*⟨...⟩ почаша ѣздити оканнии по улицамъ, пишюще дома крестияньскыя... и отъихаша оканнии, **възѣмше число**, а князь Александръ послѣ поиха, а сына своего Дмитрия посадивъ на столъ [6767].*

Примеров на финитные формы в таком контексте три:

*Володимиръ же посемъ поимши цесарицю и Анастаса и попы корсуньскыя, съ мощми святого Климента и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя и иконы на благословение собѣ, ... И **възя же**, идущи, мѣдянь двѣ капици и 4 конѣ мѣдяны, яже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, яко уже не вѣдуще мѣнять я мраморянѣ суца [6496];*

*«...не ходи ко граду и возми на нас дань, еже хоцещи»; мало же бѣ не дошелъ Цесаряграда. И даша ему дань; он же и на убиенныя имаше, глаголя, яко «род его возметъ». И **възя же дары многы**, и възвратися къ Переяславцю съ похвалою великою [6479];*

*⟨...⟩ бишася с ними, и бяше новгородѣць 400, а суздалець 7000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородцовъ 15 мужъ, и отступиша новгородци, и опять ся воротивше, **възяша всю дань**, а на суздальскихъ смердехъ другую, и приидоша вси здрави [6677].*

Еще один пример не учитываем, так как в нем употребление финитной формы может объясняться наличием противопоставления объектов глагола:

*Прииде князь Ярославъ от брата и со всею областю къ Колываню, и повоева всю землю Чюдскую, а полона привелоша беицисла, но город не **възяша, а злата много възяша**, и приидоша вси здрави [6731].*

В таком контексте, где при этом глагол, обозначающий следующую за данной ситуацией, не является глаголом движения и не имеет того же прямого дополнения, употребляются только финитные формы. Всего примеров восемь:

*И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на челоуѣкъ, а в корабль по сороку мужъ. Самъ же **възя злато и паволокы**, и возложи дань [6429];*

*Изяславъ же иде в Ляхы съ имѣниемъ многымъ и съ женою, уповая богатствомъ многымъ, глаголя, яко «симъ налѣзу воя», **еже все възяша** Ляхове **у него**, показавше ему путь от себе [6578];*

*⟨...⟩ нъ помощью божиею единемъ приступлениемъ **възять бысть**, и люди многы града того овыхъ побииша, а другыя изимаша живы, а иныи огнемъ пожжены, и жены и дѣти их; и **възяша товара беицисла и полона**; а мужа добра застрѣлиша с города, и Петра убиша Мясниковица [6770];*

*Татарове поидоша по них, биючи на 500 верѣсть до города до Кыева, **а с города с Кыева окупъ възяша 500 рублевъ** и намѣстники свои посадиша; а на Печерьскомъ монастыри **възяша окупъ 30 рублевъ**. Тако бо Богъ навелъ поганыхъ Татаръ на землю Литовскую за високоумье князя их [6906] и т. д.*

Глагол *възяти* также часто используется в сочетании *възяти миръ*. При этом если следующая ситуация есть ситуация движения (и опять же, ситуации сочетаются логично: заключить договор о мире и вернуться восвояси), тоже используются и финитные, и причастные формы. Примеров на *и*-причастие всего четыре:

⟨...⟩ *ходи князь Ярославъ с новгородци и со плесковици и с новоторжъци и с ладожанъ и со всею областью новгородскою к Полотску, и устрѣтоша полочанѣ с поклономъ на озерѣ Касоплѣ; и **вземше миръ**, възвратишася в Новгород* [6705];

*И приходи князь Витовтъ со всею силою литовскою къ Смоленску, и стоя под городом 4 недѣли, и биша пушками город, и отъиде от города, **съ княземъ Юрьемъ миръ** **вземъ по старинѣ**; а смолнянѣ съ княземъ Юрьемъ бояръ своих избиша, которыи перевѣт держалѣ ко князю Витовту* [6909];

⟨...⟩ *поиде князь Михаило к Новугороду со всею землею Низовскою... Князь же Михаило, не дошед города, ста въ Устьянехъ; и тако **мира не возмъ**, поиде прочь, не успѣвъ ничтоже, нѣ болюю рану въсприимъ; възвратися назадъ* [6824];

⟨...⟩ *прииха князь Андрѣи со псковьскими послы и поиха из Новаграда **а миру не возмъ*** [6902].

Еще в одном случае в таком контексте используется финитная форма глагола:

*И поидоша новгородци ратью къ Пскову, и псковичи добиша чолом Новугороду, и **взяша миръ**, и воротилишася от Солци* [6898].

В таком контексте, где глагол *възяти* используется в сочетании *възяти миръ* и где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения, глагол *възяти* оформляется финитно. Примеров подобного типа всего четыре:

⟨...⟩ *воиде Мьстиславъ с братьею и с новгородци в Киевѣ, и поклонилися кияне, и посадиша в Киевѣ Мьстислава Романовича, внукъ Ростиславль. Идоша ис Кыева къ Чернигову, и стоявшие 12 днии, **и взяша миръ**, и въземше дары, приидоша в Новъгород въси здрави* [6722];

⟨...⟩ *сѣступишася полкове; и пособи Богъ Мьстиславу, и в город Галицъ воиде, а королевича руками изима и жену его, и **взя миръ с королемъ**, а сына его пусти, а самъ сѣде въ Галицѣ, а Володимиръ Рюриковицъ в Киевѣ* [6727];

*То же слышавше плесковици, яко приведе Ярославъ полкы, и убоявшеся того, **взяша миръ с рижаны**, Новгород выложивше, ркуце: «то вы, а то новгородци; а намъ не надобѣ* [6736];

*Дмитрии бѣжа ис Плескова во Тѣфрѣ, и присла в Торжокъ владыку тѣфрѣскаго и Святослава с поклономъ къ брату Андрѣю и к новгородцомъ, съсылающеся послы **взяша миръ**, а Волокъ опять Новугороду* [6801].

(В последнем примере принимаем, что у предикации *Волокъ опять Новгороду* подразумевается сказуемое типа *отдали* или *договорились*.)

Есть очень большая группа употреблений данного глагола, где прямым объектом действия, обозначаемого им, является какая-либо местность, населенный пункт или укрепление. При этом если глагол, обозначающий следующую ситуацию, имеет то же прямое дополнение (чаще всего это глагол *пожечи*, так что опять же ситуации связаны ожидаемым образом), могут употребляться и причастные, и финитные формы. Примеров на *и*-причастие всего два:

*⟨...⟩ князь бояринъ Юрьевъ Глѣбъ Семеонович с новгородчкими бѣглицѣ... изыхаша в насадех безъ вѣсти в Заволочькую землю и повоеваша волость Борокъ Ивановых дѣтеи Васильевича, и Емцю и Колмогоры **вземъ и пожгли**, и боярь новгородчких изимаша [6925];*

*Свѣи много исѣкоша, а иных поимаша, а у города у Выбора **охабенъ **вземъ и пожьжгоша**** мѣсяца марта въ 26 [6919].*

Еще в восьми случаях в таком контексте употребляются финитные формы:

*Иде князь Ярославъ къ Плескову на Петровъ день, и новгородци **вматѣ**; и самъ сѣде въ Плесковѣ, а дворъ свои посла съ плесковици воевать, и шедши, **взяша город Медвѣжю голову и пожгоша**, и възвратишася вси здрави [6700];*

*Того же лѣта постави Титмановицѣ отии городокъ на сеи сторонѣ Наровѣ; новгородци же, ѣхавше, **пожгоша и, и село его великое **взяша и пожгоша**** [6802];*

*Тои же осени пришедши Нѣмци, **взяша 7 селъ у Ямьского городка и пожгоша** [6905];*

*⟨...⟩ ркоша своеи братии воеводам: «дажъ, братие, тако сдумать нашъ господинъ князь великѣи съ крестопреступники съ двиньскими воеводами, лучши, братие, нам изомрети за святую Софѣю, нежелѣи въ обидѣ быти от своего князя великаго». И поидоша на князя великаго волости на Бѣлоозеро, и **взяша бѣлозерьскыи волости на щитѣ**, повоевавъ, и пожгоша, и старыи городокъ Бѣлозерьскыи **пожгоша** [6905];*

*Того же лѣта князь Данилѣи Борисович, Нижняго Новгорода отчицѣ старыи, **взя столныи град Володимиръ**, попленивъ и пожьже; а Татарове и церковь святую Богородицю златоверхую одраша [6918];*

*На ту же зиму прииде рать татарьская множество много, и **взяша Тѣрь и Кашинъ и Новоторьскую волость и просто ркуще всю землю Рускую** и положиша ю пусту, токмо Новѣград ублюде Богъ и святая Софѣя [6832];*

*Потомъ **взяша Черную рѣку такоже всю, по Черной приидоша къ городу Ваная, **городъ **взяша и пожьжгоша******; а Немци **вбѣгоша в Дѣтеницѣ** [6819] и т. д.*

В контексте, отличающемся от вышеописанного только тем, что глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополне-

ния, что и *възяти*, используются почти всегда финитные формы. Таких примеров всего 48.

*Иде Святославъ на Дунаи на Болгары. И бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и **възя городовъ 80 по Дунаю**, и сѣде княжа ту въ Переяславци* [6475];

*Иде Володимерь на Ятвягы, и побѣдѣ Ятвягы, **и взя землю их**. И прииде Киеву, и творяще требу кумиромъ с людѣми своими* [6491];

*Тои же зимѣ прииде Изяславъ Нову городу, сынъ Мъстиславъ, ис Киева, иде на Юрга к Ростову с новгородци; и много воеваша людѣи Гюрговъ, и **по Волзѣ взяша 6 городовъ**, даждѣ и до Ярославъ попустишиша, а годовъ взяша 7000 и воротѣшася роспутѣ дѣля* [6656];

***В то же лѣто взя** Святославъ Мъстиславич, внукъ Романовъ, **Смолнескъ на щит с полочаны**, на память святых мученикъ Бориса и Глѣба, исѣче смолнянъ много, а самъ сѣде на столѣ* [6740];

*⟨...⟩ созвониша вѣче на Ярославъ дворѣ, и убиша Иванка, а инии вбѣгоша въ Николу святыи; а заутра побѣжаша к князю на Городище тысячкою Ратиборъ и Гаврила Къяниновицъ а инии приятели его. И **взяша дома их на грабление** и хоромы рознесоша; а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его* [6778];

*И стояща 3 дни и 3 ночи, волость труще, села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуще, **взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку**, и выидоша на море, и приидоша здрави в Новъ-город* [6819];

*⟨...⟩ стоя под Москвою самъ цесарь, а вои свои ропусти на Рускую землю. И **взяша город Переяславль, Ростовъ, Нижнии Новъгород, Серпоховъ**, и много христианъ поѣкоша, а иных в полонъ сведоша и воеваша и до Кли-на, до тѣмѣрскаго рубежа, а все крестиянъ съкуще, аки траву* [6916] и т. д.

Отметим, что критерий наличия глагола движения, обозначающего следующую после данной ситуацию, для подобных контекстов (с дополнением-местом) не работает. Это объясняется тем, что связь между предикациями с глаголом *възяти* и глаголом движения здесь иная: такой объект, как город или местность, в отличие от материальных ценностей или мирного договора, нельзя унести с собой, и таким образом данная ситуация с ситуацией движения (удаления) стереотипным образом никак не сочетается.

Исключением можно считать употребление данного глагола в сочетании *отѣйти не вземше* (города); таких примеров всего два:

*⟨...⟩ ходиша новгородци съ плесковицѣ к Новому городку к нѣмечьскому и отѣидоша **не вземше** зане бѣшетъ твердѣ* [6878];

*⟨...⟩ и заступи Богъ и святая Софѣя свои домъ и отѣидоша **города не вземше*** [6889].

Возможно, в этом случае невзятие города осмысливается как некий результат, который остается при удаляющемся субъекте действия.

Также есть один пример на *ш*-причастие не в сочетании *отъити не вземше*, который следует отнести к контексту подобного типа. В нем прямым объектом действия, обозначаемого глаголом *взяти*, является не город или местность, а укрепление:

*Того же дни иде князь Мьстиславъ с новгородци на Чюдъ на Ереву, сквозъ землю Чудьскую к морю, села их потрати и осѣки ихъ **возмь**; и ста с новгородци под городомъ Воробиномъ, и Чюдъ поклонишася ему; и Мьстиславъ же князь взя на них дань, и да новгородцемъ двѣ чѣсти дани, а третьюю часть дворяномъ [6722].*

В примере, где прямым объектом действия, обозначаемого глаголом *взяти*, являются одушевленные лица и при этом глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения, что и *възъяти*, предикация оформляется финитно:

*⟨...⟩ потом стаща на них велневицѣ съ юрьевци и избиша Чюди 14000, а избытокъ убѣжа в Островьскую землю; тамо по них ходиша велневици въ Островьскую землю, **ихже не взяша**, но сами биты отъидоша [6852].*

Есть еще один неоднозначный пример на *ш*-причастие данного глагола, где причастный оборот, видимо, описывает ту же ситуацию, что и предыдущий (*пакости подѣя*) (иначе же, если он описывает другую ситуацию, его употребление можно объяснить действием механизма переинтерпретации, когда причастие появляется потому, что речь идет о захватчике, взявшем военную добычу):

*Новгородци же послаша по Михаила, а Юрьи съ князи поиде с Торжъску, и много имъ пакости подѣя, **възмь у них 7000 новую** [6732].*

Статистика для глагола *възъяти* (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 3.

Таблица 3

Предикация	<i>ш</i> -прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — предмет, тот же, что и у следующей ситуации	6	—
Прямой объект — предмет (оружие или крест), не тот же, что у следующей ситуации	5	—
Прямой объект — предмет (часть тела), не тот же, что у следующей ситуации	—	2
Прямой объект — нечто материально ценное; глагол, обозначающий следующую ситуацию, — глагол движения	4 (50%)	4 (50%)
Прямой объект — деньги или материальные ценности; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения и не имеет того же прямого объекта	—	10

Предикация	<i>и</i> -прич. в им. п.	Финитно
Дополнение — <i>миръ</i> ; глагол, обозначающий следующую ситуацию, есть глагол движения	4 (80%)	1 (20%)
Дополнение — <i>миръ</i> ; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не есть глагол движения и не имеет того же прямого дополнения	—	4
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; то же прямое дополнение у следующего глагола	2 (20%)	8 (80%)
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; глагол, обозначающий следующую ситуацию, не <i>отъити</i>	1 (8%)	48 (92%)
Прямой объект — населенный пункт или укрепление; глагол, обозначающий следующую ситуацию, — <i>отъити</i> , <i>възяти</i> употреблен только с отрицанием	2	—

Пояти

Данный глагол отличается от *възяти*, в частности, тем, что в рассматриваемом летописном тексте прямым объектом действия, обозначаемого им, бывают, как правило, люди (см. также [Срезневский, II: 1340—1342; СлРЯ XI—XVII вв., XIX: 94]), поэтому контексты, где он встречается, делятся на гораздо меньшее, чем для *възяти*, количество типов.

Точно так же, как и для других исследованных глаголов, рассмотрим только те контексты, где данный глагол является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы этого глагола появляются только в них). При этом ограничения на употребление причастных форм данного глагола похожи на характерные для глагола *възяти*.

Глагол *пояти* в таком контексте, где его прямое дополнение совпадает с прямым дополнением глагола, обозначающего следующую ситуацию, встречается редко. При этом в одном случае он оформляется причастием:

*Он же рече: «мъстите своих». Они же **поимше**, убиша я и повѣсиша их на дубѣ; отместие приимше от Бога по правдѣ. А Яневъ идуци къ домовѣ своему [6579].*

Еще в одном случае — финитно:

*В то же лѣто собрася всѣ град людии, изволѣша собѣ епископомъ поставити мужа свята и Богомъ избрана именемъ Аркадиа; и шедъ весь народ, **пояша из монастыря святыя Богородица, и князь Мъстиславъ Юрьевич**, и весь крилось святыя Софѣя, и вси попове городстѣи, игумены и чернци, и введоша и [6664].*

Здесь между предикацией с *пояша* и следующей вставлена часть подлежащего, тогда как объект при глаголе *пояти* опущен.

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую за данной ситуацией, есть глагол движения, глагол *пояти*, обозначающий здесь «присоединить к себе» и иногда сопровождаемый сочетанием *съ собою* (ситуации, таким образом, тоже сочетаются ожидаемо), оформляется чаще всего причастно. Есть всего 16 таких примеров:

А Ольга же поимши мало дружины и легко идуци приде къ гробу его и плакася по мужи своемъ плачемъ велимъ [6453];

И яко уже скопишася вои и выслашася изъ города к воеводѣ рекии тако «поиди в город поемши со собою 12 мужа» [6701];

Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Торжокъ понявши съ собою Твердислава Михайловича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу, и много бояръ, и одаривъ, присла въ Новъгород; а самъ сѣде на Торжъку [6722];

«⟨...⟩ еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу, то потомъ предъ мя приведите его». Оним же шедшимъ к Михаилу, глаголюще ему: «цесарь Батыи зоветъ тя». Он же поимъ Федора, воеводу своего, идяше с нимъ [6753];

Тогдаже Андрѣи князь поиде изъ Новогорода, поимя съ собою новгородцовъ, Смена ? Михайловича и иныхъ мужъ старѣишихъ, иде в Володимиръ [6790] и т. д.

Есть только один финитно оформленный пример на подобный контекст:

⟨...⟩ ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у насъ нѣту; да поидѣте к намъ княжити и владѣти нами». Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду [6352].

В таком контексте, где глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения и не является глаголом движения, могут использоваться и финитные, и причастные формы. Есть один причастный пример:

Володимиръ же посемъ поимши цесарицю и Анастаса и поны корсуньскыя, съ мощьми святого Климента и Фива, ученика его, и поима съсуды церковныя и иконы на благословение собѣ, и постави церковь въ Корсунѣ на горѣ, иже сыпаша средѣ града, крадуце приспу; сиа же церкви стоитъ и до сего дне [6496].

В данном случае ситуация, обозначаемая глаголом *пояти*, и следующая связаны только тем, что имеют общего участника, обозначаемого подлежащим, т. е. прагматической невыделенностью предикации употребление причастия объяснить нельзя. Оно может объясняться разве что тем, что, так как данный глагол чаще всего употребляется в причастной форме и перед глаголом движения, автор пассажа (или последующий редактор, менявший порядок предикаций) «привык» к данному глаголу в причастной форме.

Еще в трех случаях при этом используются финитные формы:

*И целовашиа послы крестъ; а тамо ѣздивъ, Лазарь Моисѣвич водить их къ кресту, пискуповъ и божиих дворянъ, яко не помагати имъ колыван-
цомъ и раковорцемъ; и **поиша на свои руки мужа добра из Новгорода
Семьюна, цѣловавшие крестъ** [6776];*

*⟨...⟩ а князь с новгородци посыллаху к нимъ, просяще голку, нъ Богъ сво-
ею милостью болиши крови не проляя крестияньстѣи: спипали бо ся бяху на
малѣ часу, и убиша их новгородци близъ трех сотъ, а сами вси здрави и
воспятишася; и **поиша князя самого Святослава в Новѣгород, а Ярополка**
посадиша на Новѣмъ торгу; и вниде Святославъ великийи Всеволодицъ в
Новѣгород [6688];*

*Оженися князь Александръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ, и **пои в**
Полочскѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчася въ Торопѣ; и ту кашю чини, а в
Новѣгородѣ другую [6747].*

Статистика для глагола (в случаях, когда предикация является не последней в нарративной цепочке, относящейся к одному подлежащему) показана в таблице 4.

Таблица 4

Предикация	и-прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект тот же, что и у следующей ситуации	1 (50%)	1 (50%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, есть глагол движения	16 (94%)	1 (6%)
Глагол, обозначающий следующую ситуацию, не имеет того же прямого дополнения и не есть глагол движения	1 (25%)	3 (75%)

Приняти

Данный глагол имеет достаточно широкий круг значений («получить в руки», «получить в распоряжение», «воспользоваться», «встретить», «подвергнуться» и т. д. [Срезневский, II: 1502—1504; СлРЯ XI—XVII вв., XIX: 235 и далее]); в отличие от уже исследованных родственных ему глаголов он нередко обозначает и неконтролируемые ситуации. При этом так же, как и для *възяти*, имеет смысл классифицировать употребления данного глагола прежде всего в зависимости от того, каково его прямое дополнение.

Рассмотрим только те контексты, где данный глагол является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы этого глагола появляются не в них только в нескольких случаях, которые не будем сравнивать с другими).

В таком контексте, где дополнение исследуемого глагола — предмет или нечто, что можно взять в руки (глагол оказывается, таким образом, си-

нонимом *възяти*), и при этом объект действия может считаться участником следующей ситуации, глагол оформляется причастно. Таких примеров всего четыре:

⟨...⟩ *поишли к нему оружье бранное. Онъ же послуша его, и послаше ему мечъ и иное оружье. Слу же цесареву принесъшию къ Святославу, он же **приимъ**, нача любити и хвалити и цѣловати, [яко самого] цесаря [6479];*

*И рече Авраамъ: «искушю богы отца своего... И **приимъ** Аврамъ **огнь**, зажъже кумиры въ храминѣ. Видѣ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымъцати идолы; самъ сгорѣ ту [речь Философа];*

⟨...⟩ *повелѣ хлѣбомъ служитѣ, и преда апостоломъ, и **приимъ** хлѣбъ, и **рекъ**: се есть тѣло мое, ломимое за вы; такоже и чашию **приимъ**, рече: се есть кровь моя новаго завета [6494].*

(Последний пример не является точной новозаветной цитатой, но во фрагментах соответствующего содержания — Мф 26: 6; Мк 14: 22; 1 Кор 10: 16; Лк 22: 19 — используется именно причастие *приимъ*.)

В таком очень узком контексте, где прямое дополнение глагола *приняти* — *мнишькыи чинъ*, а глагол, обозначающий следующую ситуацию, — *преставится*, предикация с данным глаголом инвертируется относительно обозначающей следующую ситуацию и используется только причастная форма этого глагола. Обе ситуации при этом тоже сочетаются ожидаемым образом (принадлежат одному социокультурному фрейму). Данный контекст отличается от всех прочих тем, что следующая ситуация является неконтролируемой, а причастная предикация обозначает связанное с ней контролируемое действие и, видимо, поэтому оказывается в постпозиции. Всего таких примеров восемь:

*Того же лѣта преставися Мирошка, посадникъ новгородчкыи, **приимъши** мнишькыи чинъ, и положенъ бысть в монастырь святого Георгия [6712];*

*Преставися посадник новгородчкыи Михалко, маа въ 18, **приимиши** мнишьскыи чинъ, и наркоша имя Митрофанъ [6712];*

*Преставися княгиня Ярославля, у монастыри святого Георгия **принявши** мнишкии чин; и абие ту положена бысть [6751];*

⟨...⟩ *того же лѣта преставися посадьникъ Василии Федоровичъ **приимиши** мнишьскыи чинъ мѣсяца июня и положишиа у святого Николы [6900] и т. д.*

Данный глагол употребляется, разумеется, и в других значениях, которые мы перечислим. (При этом ни в одном случае нельзя сказать, что ситуации сочетаются ожидаемым образом, но причастное оформление изредка оказывается возможным.)

В таком контексте, где рассматриваемый глагол имеет значение «согласится (с просьбой или предложением)», дополнениями его, соответственно, являются *мольба*, *челобитье* и т. п., и где следующий глагол (относящийся к тому же подлежащему) обозначает действие субъекта, по которо-

му становится ясно, что он согласился, используются финитные формы. Всего найдено пять примеров, иллюстрирующих указанный контекст:

⟨...⟩ *благослови я, рекъ: «дѣти, не достѣите поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитесь бится». И **прияша слово его**, и разидошася* [6868];

⟨...⟩ *послаша послы к великому князю с челобитьемъ о старинѣ, а к митрополиту послаша грамоту чelовальную; и митрополит словомъ повѣстоваше: «язъ у васъ грамоту ѡбловальную емлю, а грѣхъ с васъ снимаю, а васъ благословляю»; а князь великий **новгородское челобитье приялъ** и взя миръ по старинѣ* [6901];

⟨...⟩ *вышедши двиняны ис городка, и начаша бити чelомъ съ плачемъ воеводамъ и всѣмъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородскому слову, **челобитье прияша двиняны**, а нелюбы имъ отдаша* [6906];

⟨...⟩ *а послы от Новаграда чelобитье; рекъ тако: «чтобы еси, господине и сыну, князь великий, **мое благословение и слово добро приялъ, а новгородское челобитье**, а от Новгорода от своихъ мужии от волныхъ нелюбы бы отложитъ, а приялъ бы еси въ старину; а при твоёмъ бы, сыну, князю промежи крестияны другое бы кровопролитие не учинилося бы»* [6905];

*И послаша новгородци послы, зовуще в Новъгород: анхимандрѣта Лаврентия, и Федора Твердислава, Луку Валфромѣва и онъ **молбы не приялъ**, а ихъ не послушалъ, а миру не далъ* [6841].

Есть один похожий контекст, но такой, в котором глагол, относящийся к тому же подлежащему, обозначает ситуацию, по которой неясно, что действующее лицо не послушалось просьбы (и именно этим данный пример отличается от предыдущих, где информация о том, что субъект согласился с просьбой, фактически дублируется). В таком контексте употребляется *и-причастие*:

⟨...⟩ *благослови я, рекъ: «дѣти, не достѣите поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступитесь бится». И **прияша слово его**, и разидошася* [6868];

⟨...⟩ *послаша послы к великому князю с челобитьемъ о старинѣ, а к митрополиту послаша грамоту чelовальную; и митрополит словомъ повѣстоваше: «язъ у васъ грамоту ѡбловальную емлю, а грѣхъ с васъ снимаю, а васъ благословляю»; а князь великий **новгородское челобитье приялъ** и взя миръ по старинѣ* [6901];

⟨...⟩ *вышедши двиняны ис городка, и начаша бити чelомъ съ плачемъ воеводамъ и всѣмъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои, по своего господина по новгородскому слову, **челобитье прияша двиняны**, а нелюбы имъ отдаша* [6906];

⟨...⟩ *а послы от Новаграда чelобитье; рекъ тако: «чтобы еси, господине и сыну, князь великий, **мое благословение и слово добро приялъ, а новгородское челобитье**, а от Новгорода от своихъ мужии от волныхъ не-*

любье бы отложилъ, а принялъ бы еси въ старину; а при твоём бы, сыну, княженьи промежи крестиянъ другое бы кровопролитье не учинилося бы» [6905];

*И послаша новгородци послы, зовуща в Новъгород: анхимандрѣта Лаврентиа, и Федора Твердислава, Луку Валфромѣва и онъ **молбы не приять**, а ихъ не послушать, а миру не дать [6841].*

В контексте, где прямой объект действия, обозначаемого данным глаголом, — люди, т. е. речь идет о приеме гостей или послов, используются только финитные формы. При этом следующая за данной ситуацией может быть какой угодно. Подобных примеров всего 11:

*Древляномъ же пришедшимъ къ Киеву къ княгинѣ Ольги, и **прияше** Олга **въ честь деревьскихъ мужъ**, и повелѣ на них мовѣ створити: «измывшиеся, **приидѣте ко мнѣ**» [6453];*

*На вербъницію прииде князь Юрьи къ Киеву и сѣде на столѣ, а Изяславъ избѣжа Давыдовиць к Чернигову; и **прия** Юрьи **сынъ его в миръ с любовью**, и волости имъ раздая достойныя [6663];*

*И **прия** Всеволод **посадника Мирожску и Бориса и Иванка и Фому**, и не пусти их в Новъгород, а самъ послаше в Половци [6703];*

*Тои же осени поиде князь Михаило Тфѣрьскыи в Орду, ища великаго княжениа. А в Новъгород прихаша князь Патрикии Наримантович, и **прияша его навгородци**, и даша ему кормление [6891] и т. д.*

В контексте, где дополнение исследуемого глагола — *власть*, он оформляется финитно. Примеров на такую конструкцию всего три (все принадлежат древнейшей части летописи):

*По двои же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и **прия власть единъ Рюрикъ**, обою брату **власть**, и нача владѣти **единъ** [6352];*

*И вшед Ярополкъ въ градъ Олговъ, и **прия власть его**; и посла искати брата своего; искавши его, не обрѣтоша [6485];*

*⟨...⟩ и умре Моиси на горѣ. И **прия власть** Исус Навгинъ; и сеи прииде в землю обѣтованную [речь Философа].*

Прагматически невыделенной предикацию в этом случае тоже не назовешь.

Есть примеры, где речь идет о получении субъектом того или иного вреда. Ожидаемых сочетаний ситуаций в этом случае тоже нет:

*Егда же сбьется проречение сих, сниде на землю, **распятие прия волею**, въскресъ и на небеса възиде [речь Философа];*

*⟨...⟩ злодѣи исперва не хотя добра, зависть вложи людемъ на архиепископа Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ, и не даша ему правитися и ведоша и в Торопецъ; онъ же **то прия с радостию яко Иоан Златоустыи и Григории Акраганьскыи**, тую же въсприять скорбь и печаль, слава и благодаря Бога [6719];*

⟨...⟩ лишиши посадничества: немощень бо бяше; и даша посадничество Иванку Дмитровичю; в той же немощи пребысть 7 недѣль, и **прия и болшую немощь**; и утаився жены и дитии, и абие поиде в манастирь къ святѣи Богородици въ Аркажъ [6728].

Один из этих примеров отличается от всех прочих тем, что предикация с исследуемым глаголом является прагматической презумпцией: повторяет уже сообщенную информацию. При этом как раз используется причастие:

Князь же Михаило, не дошед города, ста въ Устьянехъ; и тако мира не возмя, поиде прочь, не устѣвъ ничтоже, нъ болшую рану въсприимъ; възвратися назадъ, и заблудиша во озерехъ, в болотех... приидоша пѣши в дома своя, **приимше рану**, якоже древле иерусалимлянѣ [6824].

В таком контексте, где речь идет о принятии веры или крещения, появляется финитная форма:

Былъ убо князь Витовтъ прежде крестиянъ, а имя ему Александръ, и отвержесе правовѣрныя вѣры и крестиянства и **прия лятскую вѣру**, церкви святѣи превратилъ на богомерское служение [6907].

В похожем случае, где предикация при этом тоже является прагматической презумпцией, используется причастие:

Царь же послуша словесѣ сего и абие крести ю (Ольгу) съ патриархомъ... И благословивъши патриархъ со вселеньскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши еи паки къ Киеву, **принявши святое крещение и божественныя дары въ Цесарьскомъ градѣ от честнѣишаго патриарха** [6463].

Есть еще несколько редких употреблений рассматриваемого глагола в других значениях (в основном в цитатах из церковнославянских текстов), но к ним в этой работе не будем обращаться: примеров на каждый контекст слишком мало.

Статистика для исследованных употреблений данного глагола показана в таблице 5.

Таблица 5

Предикация	и-прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — вещь	4	—
Прямой объект — просьба, предложение; следующая ситуация — подтверждение данной	—	5
Прямой объект — просьба, предложение; следующая ситуация не есть подтверждение данной	1	—
Прямой объект — люди (гости, послы)	—	11
В сочетании «преставился приимши мнишьский чинъ»	8	—
Прямой объект — власть	—	3

Предикация	<i>ш</i> -прич. в им. п.	Финитно
Прямой объект — тот или иной вред	—	3
Прагматическая презумпция, прямой объект — тот или иной вред	1	
Речь идет о принятии веры	—	1
Прагматическая презумпция, речь идет о принятии веры	1	—

В целом результаты данного исследования подтверждают, что глаголы одного лексического класса обнаруживают схожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные. Эти критерии связаны именно с критериями выделения фона нарратива. Для изученных глаголов это прежде всего прагматическая невыделенность (ожидаемое сочетание данной ситуации со следующей): только в случае, когда принадлежащая нарративной последовательности предикация является прагматически невыделенной по сравнению со следующей, в исследованном материале оказывается возможным употребление причастий. Для глаголов других лексических классов подобного рода правила не относятся к обязательно выполняемым [Сахарова 2005; 2007]. Для исследованных в данной статье глаголов употребление причастий в фоновом контексте тоже не необходимо — стопроцентно это правило работает только в случае лексически устойчивых сочетаний, летописных штампов, в прочих же случаях возможно употребление и финитных форм.

Еще одна важная особенность изученных глаголов — то, что их причастия не встречаются в рамках именительного самостоятельного и вообще конструкций, где для *ш*-причастия нет глагола-вершины традиционного типа. Объясняется это, видимо, тем, что исследованные в данной статье глаголы (в отличие от других глаголов из того же текста, рассмотренных в статье [Сахарова 2007]) просто в силу своей семантики не оказываются в таких контекстах, где прагматические закономерности употребления их причастий вступали бы в конфликт с синтаксическими факторами.

Можно считать, что исследованный материал подтверждает и типологическое наблюдение над употреблением деепричастий в случае объединения серии предикаций (см. разд. 1) — причастное оформление в нем не наблюдается в тех случаях, когда единственное, что объединяет две предикации нарративной последовательности, — это общность участника-подлежащего.

Впрочем, не все употребления краткого причастия объясняются именно ожидаемостью. Как и следовало ожидать, причастное маркирование может быть средством выделения прагматической презумпции (отсылки назад). Есть и определенные закономерности употребления краткого *ш*-причастия, которые нельзя объяснить только исходя из синхронных прагматических критериев, — в данном случае это оформление причастием *прिया́ти*, имеющим прямое дополнение определенного типа. (Ограничения употребления

и-причастия, не объяснимые с помощью одних изучаемых дискурсивных параметров, есть, например, и для глагола *быти* [Сахарова 2007] — объяснить их можно только предположив, что они произошли в результате определенного переосмысления летописцами закономерностей употреблений причастий образцовых для них текстов.)

Разумеется, эти выводы, сделанные главным образом на основе результатов данного исследования, могут быть существенно дополнены при изучении употреблений других глагольных лексем и, что важно, других памятников — как летописей разных эпох, так и образцовых для летописца текстов. Такого рода исследования обогатили бы конкретными деталями описание языкового поведения древнерусского книжника и вписывались бы в актуальную проблематику изучения прагматических факторов в истории языка русской письменности, риторических и нарративных стратегий.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1987а — А. А. Алексеев. Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // ВЯ. 1987. № 2. С. 34—46.

Алексеев 1987б — А. А. Алексеев. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // Russian Linguistics. Vol. 11. 1987. С. 187—200.

Белоруссов 1899 — И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности // РФВ. Т. 41. 1899. С. 71—146.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Живов 1995 — В. М. Живов. Usus scribendi Ж Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. Vol. 19. 1995. № 1. С. 45—75.

Живов 1998 — В. М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998: Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 212—247.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // ИОРЯС. 1923. Т. 24. Кн. 2. С. 207—239.

Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.

Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. М., 1982. С. 349—416.

Лопатина 1978 — Л. Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. В. И. Борковский. М., 1978. С. 142—188.

НПЛ 1950 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Руднев 1959 — А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 174. Л., 1959. С. 113—191.

Сабенина 1978 — А. М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. В. И. Борковский. М., 1978. С. 328—361.

Сахарова 2005 — А. В. Сахарова. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. № 2 (10). С. 250—266.

Сахарова 2007 — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления кратких причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. 2007. № 2 (в печати).

СлДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—10. М., 1988—2004.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—24. М., 1975—2006.

Срезневский I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1903.

Стеценко 1972 — А. Н. Стеценко. Исторический синтаксис русского языка: Учеб. пособие. М., 1972.

Шахматов 1929/2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1929 (цит. по изд.: М., 2001).

Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.). Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. Amsterdam, Philadelphia, 1987. P. 21—51. (Typological Studies in Language. Vol. 11)

Corin 1995 — A. Corin. The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven. Bd. 42. 1995. № 1. P. 251—284.

Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. 1981. № 3. P. 233—240.

Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // Journal of Literary Semantics. 1983. XII/2. P. 19—53.

Haiman, Thompson 1984 — J. Haiman, S. A. Thompson. 'Subordination' in universal grammar // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1984. P. 510—523.

Haiman 1985 — J. Haiman. Natural syntax. Iconicity and Erosion. Cambridge, 1985 (Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 44).

Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Berlin; N. Y., 1995. P. 1—55. (Empirical Approach to Language Typology. Vol. 13).

Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). Discourse and Syntax. N. Y., 1979. P. 213—241. (Syntax and Semantics. Vol. 12).

Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1984. P. 481—549.

Longacre 1983 — R. E. Longacre. The Grammar of Discourse (Topics in Language and Linguistics). N. Y., 1983.

Matthiesen, Thompson 1988 — C. Matthiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and 'subordination' // J. Haiman and S. A. Thompson (eds). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, Philadelphia, 1988. P. 350—389 (Typological Studies in Language. Vol. 18).

Nedjalkov 1995 — V. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; N. Y., 1995. P. 97—136 (Empirical Approach to Language Typology. Vol. 13).

Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A Revision of the Fore-ground-Background Distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электрон. ресурс]. <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000].

Růžicka 1963 — R. Růžicka. *Das syntaktische System der Altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.

Tomlin et al. 1997 — *Discourse Semantics* / R. S. Tomlin, L. Forrest, Ming Ping Pu and Myung Hee Kim // T. A. van Dijk (ed.). *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. Vol. 1. London; Thousand Oaks; New Delhi, 1997. P. 63—111.

Večerka 1961 — R. Večerka. *Syntax aktivních participií v staroslověnině*. Praha, 1961.

Wärvik 2002 — B. Wärvik. *On Grounding in Narrative: A Survey of Models and Criteria*. Turku, 2002 (English Department Publications. Vol. 5).

Worth 1994 — D. S. Worth. The dative absolute in the *Primary Chronicle*: some observations // *Harvard Ukrainian Studies: Special issue. Ukrainian Philology and Linguistics*. Vol. XVIII. 1994. № 1/2. P. 29—46.